Глава 310 - Долгосрочный прорыв

"Потому что никто никогда не возвращался живым".

Лю Фэн сжал кулак, слегка острые кончики пальцев ладони вытирали резкий резкий звук.

Получив такой ответ, Цинь Ши удивлённо открыл рот, глядя в тёмный и густой лес, после того, как повернул голову в сторону, два прекрасных светильника в темноте погасли, словно стрелы.

Базз...

Жужжание, тонкое тело Цинь Ши под его черными мантиями не могло не трепетать, и в его глубоких черных глазах мелькали следы незаметных колебаний и дряблости.

Лю Фэн был ошеломлен: "Старший брат, что случилось?"

Поддерживая голову, чтобы качать, Цинь Ши быстро отошел от своего видения из темного густого леса, редкий намек на угрызения совести появляются в его редких черных глазах.

На мгновение он обнаружил, что его умственная энергия на самом деле не в состоянии проникать в эти бесплодные джунгли, где, казалось бы, огромный узел образования.

В завязанном строе была очень страшная сила, которой даже он в расцвете сил несколько боялся.

"О, это немного интересно".

Подняв воротник своей чёрной мантии, чтобы прикрыть странный изгиб его губ, Цинь Ши помахал рукой Лю Фэну, молча вспоминая эти бесплодные джунгли в своём сердце и больше не разговаривая.

По тенистым тропинкам на окраине темного, густого леса, мужчины вскоре вернулись в тюрьму Plugged Sky.

Видя Внешнюю Небесную Тюрьму, заключенные были необычайно добрыми, и один за другим они возвращались в свои камеры по расположению Ци Артемисии и Цинъюня.

После этой службы импульс в Небесной тюрьме претерпел огромные изменения.

Теперь все, кто имел какое-либо отношение к Цинь Ши, были на ровном киле, и даже Хань Чай мог ходить по полу, как краб, его статус взлетел до небес.

Некоторые из маленьких тюремщиков были немного вежливее, когда увидели Цинь Ши.

Первое, что вам нужно сделать, это взглянуть на новейшее дополнение к новейшей версии продукта.

"....."

Глядя на еду, которая была нагромождена в маленькую гору, лоб Цинь Ши проплыл несколько черных линий.

Этот парень, почему он умеет есть? Немного отстойно, не так ли?

Думая об этом, глубокая стройная ладонь Цинь Ши опустила его вниз и сказала: "Хань Чай, ты когда-нибудь задумывался о том, что делать в будущем?".

"Позже"? Продолжайте смешивать, все равно не можете оставить это, пока меня не отправят в бесплодные джунгли, я буду доволен, чтобы продолжать жить". Глупый смех Хань Джая над Цинь Ши, держащий еду в руках и пожирающий ее.

Получив ответ, Цинь нахмурился: "Не надо, у тебя нет идеала? Никакой мести? Ты просто хочешь жить так вечно?"

Рука, держащая еду, дрожала необъяснимо, и после остановки ритма кулдыканья, два больших глаза Хань Заи стали необъяснимо красными.

Какое-то время он молчал, убирая свою старую безудержную и игривую улыбку: "О, идеально? Месть? Где бы я осмелился его взять?"

"Ну?" Цинь Ши был удивлен.

"Я не такой, как мой старший брат, у которого есть талант и силы делать то, что он хочет... Я был болен и слаб с самого детства, моя собственная семья думает, что я некомпетентен, и мои родители отреклись от меня после их смерти, даже не отпустив меня домой, чтобы сжечь им благовония на каждом родительском празднике..."

"Кто бы не захотел, я бы тоже хотел, я бы хотел жить чудесной жизнью, я бы хотел быть как старший брат и чтобы все на меня смотрели". Но я не могу, я пытался, но ничего не могу сделать, и я оказываюсь в этой небесной тюрьме, где я не вижу дневного света..."

"Я тоже хочу почтить своих родителей, но сын хочет быть филиалом, они даже не дают мне шанса... Я их даже не помню. Взгляд".

"Даже пойти домой и отдать им дань уважения, сжечь за них благовония, выполнить свой долг как сына... это так просто, но я Они даже не могут этого сделать... они должны быть разочарованы." Хан посмеялся над собой.

"Хан-тян..."

Речь, но Цинь Ши, который открыл рот, был немым.

"Все в порядке, на самом деле все хорошо, по крайней мере, я все еще жив". Хань Чай помахал рукой Цинь Ши и сказал, что слеза перекрестила его лицо.

Он коснулся носа серым выступом и улыбнулся Цинь Ши: "Я не могу умереть, я не должен умереть, они родили меня, чтобы дать мне это тело", Это не должно быть для меня смертью, так что я буду жить... даже если это означает выжить, я буду жить для них".

Бам...

Услышав эти слова, кончик носа Цинь Ши на самом деле слегка болел.

Он просто понял, что у этой молодёжи, у которой в прошлом, казалось бы, не было сердца, было так много вещей в сердце, что он просто не хотел говорить.

Он просто показывал свою счастливую сторону, он был сильным.

Цинь Ши внезапно вспомнил поговорку, многие действительно шумные люди не обязательно способны, некоторые молчаливые люди, но в их сердцах много историй.

Хан Чай явно такой человек.

Сжав кулак, Цинь Ши некоторое время молча смотрел на Хань Чая, его взгляд на Хань Чая полностью изменился, он действительно не был бесхребетным, наоборот, он был очень бесхребетным.

Для него, как и для Цинь Сюэсиня, выживание требовало твердого сердца и неослабевающего мужества.

Сосать в дыхание, Цинь ши ши похлопал плечо Хань Чай яростно: "Глупый мальчик, ты должен верить в себя, твои родители смотрят на тебя в небе, смешать хороший взгляд, а затем вернуться и сжечь благовония для них открыто и честно ...".

"Брат, могу я... могу я это сделать?"

"Конечно, меня там нет?"

Цинь Ши похлопал по груди с уверенностью и улыбнулся: "Поверьте, вы, безусловно, сможете вернуться домой в хорошей одежде, чтобы произвести впечатление на людей, которые дискриминировали вас и сделать Они знают, что это у них есть глаза, чтобы видеть".

"Ну... отныне я буду следовать за старшим братом..."

При мысли о возможности вернуться домой, Ханзай взобрался с волнением, его два больших красных глаза немного страшноваты, и поднял рот с большой улыбкой: "Я заставлю их пожалеть об этом..."

Глядя на тонкого подростка, Цинь Ши необъяснимо заикнулся на своих мыслях, тогда он был как Хань Чай, соскребал и выжил.

Но он знал, что это не та судьба, которую они хотели, поэтому поначалу он решил бороться.

Он верил, что Хан Чай может, с тем же успехом, сделать все правильно.

"Я так взволнован, у меня есть старший брат".

Кто бы мог подумать, что чем больше говорил Хан Чай, тем больше возбуждался, размахивая своим флагом в камере один, создавая впечатление, будто он собирается восстать в восстании, и несколько охранников снаружи были встревожены.

"Малыш, что ты делаешь? Это желание смерти?"

Тюремщик бросился к перилам, держа лезвие и направив его рычанием на Ханзай.

"Ух..."

На этот раз Хань Чай был честен, смущен и поцарапан головой, и поспешил присесть.

Глядя на эту сцену, Цинь Ши, дрейфовавший в мыслях, внезапно плеснул холодной водой, его кулак сжался и скрипел, и он гневно проклял: "Дерьмо, идиот..."

"Эй, красавчик, обсуждаешь жизнь здесь?"

Вдруг, в то время как они двое постоянно болтали, дрожащий голос, полный гибкости, звучал как серебряные колокольчики у их ушей.

Этот звук вытравил кости души, и в очаровательном очаровании мягких слов Ву Нонга казалось, что кости каждого из них хрустят.

Цинь Ши нахмурился и поднял глаза к направлению передачи звука, только для того, чтобы увидеть стройную фигурку, выходящую вперед в темном углу, скручивая талию и сидя рядом с ним.

"Это ты?"

Глядя на нежное лицо Цянь Иня, не является ли стандартным духом лисы Лю Тинцин?

"Да, несчастный случай?"

Лю Тинцин покачала головой и улыбнулась: "Красавчик, не хочешь ли ты обсудить со мной жизнь? Это реальная жизнь. Как, например, люди воспроизводятся? Делать детей и все такое..."

Как она и сказала, ее женственное и нежное лицо улыбнулось, и ее соблазнительно красивое лицо склонилось к плечу Цинь Ши.

Свуш...

Цинь Ши очень быстро отреагировал, духовная энергия под его черной мантией мерцала, и он случайно отошел от квадратного дюйма расстояния и уклонился от Лю Тинтинга, покачивая головой: "Почему ты на В этой камере?"

"Что? Мне не рады?"

Внезапно упав в небо, Лю Тинтинг неприятно выглядит ортодоксально, сказал: "Правда, есть красивые женщины, которые бросаются на тебя и даже до сих пор прячутся, ты или нет? Мужчины, да? Быстро подойди и дай этой девушке стать свидетелем".

Цинь Ши пожал плечами в черной карусели, и он действительно не мог выдержать ни малейшего интереса к этой цветочной женщине перед ним: "Разве я Мужчины, давайте не будем беспокоить вас, чтобы вы видели девушку, идите и найдите Ли Ци".

"Правильно, иди поищи Ли Ци".

Рядом с ним Хан Чай сказал, что за ним злой человек.

Девушка, более или менее, также несколько тщеславна, Лю Тинтинг была обнажена двумя публично, и сразу же застенчиво покраснела на ее нежном лице.

Первое, что тебе нужно сделать, это взглянуть на машину.

Глядя на уходящую назад, нефритовая рука Лю Тинтинга сжалась в красный цвет, только полдюжины раз она гневно сказала: "Хм, кто бы ты ни был, эта девушка не верит в зло, пока ты мужчина, я заставлю тебя упасть под мою гранатовую юбку...".

Глубоко в ячейку однажды вошел Цинь Ши.

Не войдя в камеру, Цинь Ши был шокирован, узнав, что камера настолько просторна, что в ней бесчисленное количество перегородок для отдыха заключенных.

Видя, как Цинь Ши заходит глубже, заключенные внутри сразу же уступают ему дорогу.

По этой причине они с Хан Чай легко нашли пустынное место, чтобы присесть.

Присев, он оглянулся вокруг и с удивлением сказал: "Кстати, почему ты не видел Толстяка Ванга в этот раз?".

Хан Чай вернулся к своим чувствам и оглянулся вокруг с такой же загадкой.

На кровати рядом с ним пожилой мужчина услышал новость и наклонился вперед: "Ты еще не знаешь, малыш?".

Видя этого старика, Цинь Ши с уважением встал и замер: "Старик-старший, что ты говоришь, я не знаю"?

"Дело в том, что Толстяк Ван, после этой службы, не осмеливается вернуться в эту камеру, и умышленно обманул камеру с Лю Тинтингом." Голос старика был немного хриплым, и он кашлял сухим.

Услышав это, Цинь Ши внезапно осознал.

Голос старика остановился и снова сказал: "Лю Тингтинг, похоже, заинтересована в тебе, не так давно у нее был прямой тупик с Ли Ци, и эти две группы людей еще более Несколько раз наедине".

Его черные глаза застеклено, смотрят незаметно, прежде чем сканировать в сторону того места, где был Лю Тингтинг: "О, какое кропотливое усилие".

Но он колебался и не принял это близко к сердцу.

Независимо от того, интересовался он Лю Тинтином или нет, он никогда бы не заинтересовался Лю Тинтином, его сердце уже было занято бирюзово-голубыми волосами во всех углах, и он уже не мог вместить половину человека.

"Старший брат, эта Лю Тингтинг неплохая, так как у нее проблемы с Ли Ци, почему бы тебе не подтолкнуть ее к этому? Как раз вовремя, чтобы застегнуть шляпу Ли Ци, зеленый вид... "Хань Чай, однако, был беззаботен со злой улыбкой по всему лицу и приподнял кончик бровей.

Цинь Ши немного подёрнул рот и помахал рукой вниз к лбу Хань Чая: "Вонючка, не слишком большая, чтобы много знать, поторопись и иди культивируй... не мешай мне..."

"Ух..."

С надутой головой Хан был недоволен: "Я делаю это не для твоего же блага..."

Глядя на его обиженную внешность, Цинь Ши горько улыбнулся и, не обращая на него внимания, покачал головой, медленно сидя на коленях в одиночестве в положении против угла.

Сидя, он с волнением открыл руки, линии между его ладонями светились слабым золотистым флуоресцентным светом, заставляя углы его рта подниматься вверх! Прошло несколько месяцев с тех пор, как я достиг ранней стадии Царского Духовного Царства, и с помощью Древнего Формирования Хранителя я оправился не только от своих травм, но и от духовной силы своего тела. Она еще более насыщена".

"Похоже, пришло время сделать прорыв".

Он не мог не улыбаться блестяще, когда вспоминал об этом.

После глубокого вдоха Цинь Ши закрыл свои черные глаза и начал смотреть в его тело, посадив свои агрессивные черные глаза на кристалл бьющегося духа на его дантяне, около тысячи рун плавали вокруг кристалла, таинственный и волшебный.

Жужжание...

Руны в его теле сгорели, раз, два, три, десять, пятьдесят, сто.

Целая сотня рун, за ночь, преобразованная в нежную духовную энергию внутри Цинь-Ши Дантянь, удерживая кристалл духа в форме подсолнуха.

Культивирование было без доспехов, и три дня пролетели.

Три дня в брюшной полости оставалось всего пятьсот рун, до сегодняшнего дня он уже вырастил половину из них, кристалл духа в его дантяне рассеял дикие ореолы света, превратившись в ураганный костюм, вращающийся вокруг.

Бум...

На рассвете третьего дня в камере раздался громкий стук.

Глубокие черные глаза Цинь Ши внезапно распахнулись, как будто они могли сдержать небо и землю, как черная дыра в бездне на черном ночном небе.

Черный халат был взъерошен холодным ветром, и за короткий промежуток времени в три дня, его кожа текла золотистым светом, и весь его человек, казалось, претерпел качественные изменения.

Сжав кулак, рот Цинь Ши с облегчением улыбнулся: "Царство Духа среднего царя, это долгий прорыв".

"Ши Цинь, выходи, тебя кто-то ищет..."

В этой главе, может быть, люди и говорят, что вода, но Мелкий любил ее, проглотил много сердца.

Дерево хочет, чтобы было тихо, но ветер не остановится, сын хочет филиального благочестия и родители не ждут, в последнее время посмотрел много фильмов, все о филиальном благочестии.

Часто люди вспоминают только филиальное благочестие, но игнорируют последующее послушание, прислушиваясь к родителям, чтобы сделать их послушными, что часто может быть важнее филиального благочестия.

Кроме того: поздравления сестре Спящей и брату Зуба с их счастливым браком и рекомендация для книги сестры Спящей [как клей] [в полном расцвете сил].

Когда я увидел его в первый раз, я подумал, что это хорошая идея.

<http://tl.rulate.ru/book/153/934923>